

Оксана
ЛЕБЕДЬ

После
РАЗВОДА

Держись подальше от меня!

Оксана Лебедь

После развода. Держись подальше от меня!

<https://litres.ru/74203492>

Аннотация

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Мне не нужно это видеть дальше. Не хочу пачкаться. Видела уже достаточно. Да и стоны Оксаны становятся все громче.

Делаю пару тихих шагов и в этот момент слышу голос.

— Мне так нравится, как ты стонешь, — говорит он низко, лениво.

Я замираю.

Этот голос я знаю наизусть. Я узнаю среди тысячи других. Голос моего мужа.

— А что твоя Лера так не умеет? — сквозь стон усмехается Оксана.

Воздух будто исчезает. Сразу. Весь. Я медленно оборачиваюсь и как под гипнозом продолжаю смотреть.

— Давай не будем сейчас о ней. Еще немного и все будет кончено.

Как бы я хотела, чтобы все это оказалось сном, что мой муж и моя подруга не любовники. Хотя это уже не самое страшное,

что произошло. Новая жизнь, новая работа и... прошлое вновь врывается в мою жизнь, открывая дверь с ноги.

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	30
5	36
6	47
7	55
8	62
9	67
10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

1

Я возвращаюсь в офис из-за папки. Глупо, конечно, но без неё завтра никак — в ней последние правки по контракту, мои пометки, цифры, которые Кирилл так и не запомнил.

Я захожу в свой кабинет, быстро прохожу к столу, открываю ящик. Папка на месте. Слава богу.

Смотрю на часы. Поздно. Кирилл писал, что у него встреча и он задержится. Очередная. Я уже даже не уточняю — с кем и зачем. Всё равно скажет общими словами.

В голове крутится обычная ерунда: что приготовить на ужин, есть ли дома овощи, не забыла ли купить соус, который он любит.

Я выключаю свет, закрываю кабинет, иду по коридору к выходу. Офис пустой.

И уже почти дойдя до лифта, слышу это.

Женский стон.

Не громкий. Не показной. Тянущийся, вязкий, такой, от которого внутри становится мерзко.

Я останавливаюсь автоматически, даже не сразу осознавая почему. Мозг сначала цепляется не за смысл, а за место.

Здесь?

Я делаю шаг назад, прислушиваюсь. Звук доносится из глубины коридора. Из крыла, где кабинет Кирилла.

Делаю шаг в сторону откуда доносится звук. Кто себе мо-

жет позволить занимать этим, прямо у нас в офисе!?! Завтра же уволю!

Шаги осторожные медленные и чем ближе я подхожу тем сильнее замедляюсь. Потому что понимаю, что звук идет прямо из кабинета Кирилла, из-за двери горит приглушенный свет от настольной лампы. Внутри все сжимается, сердце трепещет как птичка в клетке, меня начинает трясти.

Останавливаюсь возле двери и замираю. Она почти открыта, и я вижу её.

Моя лучшая подруга. Наш бухгалтер. Оксана!

Она лежит на столе. На **рабочем столе моего мужа!** В кабинете, где лежат договоры, подписи, контракты.

Белая рубашка расстёгнута, сползла с плеч. Красный лиф режет взгляд, как клякса.
Её спина выгибается, пальцы сжаты, ногти впиваются в край столешницы.

Глаза закрыты. Губы приоткрыты. Она стонет.

Мужчину я не вижу.

Меня накрывает волна злости. Грязной, липкой.

Ты совсем с ума сошла? В офисе? В его кабинете? Ты кого сюда привела?
Ты вообще понимаешь, где ты лежишь? Другого места не нашлось?

Фу!

Но решаю не влезать. Не устраивать сцен. Завтра. Завтра я её разнесу. Взрослая девочка, должна понимать, что делает! Кириллу не буду говорить, он ее точно уволит если узнает, что Оксана притащила сюда непонятно кого, да еще и устро-

ила в его кабинете бордель!

Мне становится противно. Я думаю о документах. О контрактах. О том, что завтра утром здесь будут люди. Партнёры. Юристы. Мы будем подписывать договор прямо на этом столе... ФУ!

Завтра ты получишь всё. За каждую секунду этого цирка. Надо сказать уборщице, чтобы хорошенько помыла этот стол.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Мне не нужно это видеть дальше. Не хочу пачкаться. Видела уже достаточно. Да и стоны Оксаны становятся все громче.

Делаю пару тихих шагов и в этот момент слышу голос.

— Мне так нравится, как ты стонешь, — говорит он низко, лениво.

Я замираю.

Этот голос я знаю наизусть. Я узнаю среди тысячи других. Голос моего мужа.

— А что твоя Лера так не умеет? — сквозь стон усмехается Оксана.

Воздух будто исчезает. Сразу. Весь. Я медленно оборачиваюсь и как под гипнозом продолжаю смотреть.

— Давай не будем сейчас о ней. Еще немного и все будет кончено.

— Я устала ждать.

— Давай сделаю ожидание чуть более приятным.

Кирилл медленно поднимается, целуя, лаская живот Ок-

саны. Она продолжает стонать. Кирилл выпрямляется, гладит Оксану по груди, останавливает руку на ее горле, а второй быстро расстёгивает ремень на брюках. И в этот момент из моих рук падает папка на пол.

Кирилл поднимает голову, смотрит прямо на меня.

— Лера? — тянет он.

У меня в голове пусто. Ни мыслей. Ни слов.

Оксана резко открывает глаза.

Я стою, смотрю, и не понимаю, что именно вижу. Этого не может быть. Просто не может.

Сейчас я моргну — и всё исчезнет. Так бывает во сне. Слишком яркие цвета. Слишком чёткие линии. Красный. Белый. Тень от лампы.

Меня начинает трясти. Как будто что-то внутри потеряло опору и теперь бьётся о рёбра.

Это не он. Он бы не стал. Он не такой.

Я не смотрю в сторону мужа. Если не смотреть — можно ещё немного не знать.

Оксана двигается. Садится. Медленно, уверенно застегивает рубашку. Так двигаются люди, не которых поймали, а люди, которым нечего бояться.

Нет-нет-нет.

Я вспоминаю, как она сидела у меня на кухне. Как держала чашку двумя руками. Как говорила, что мне повезло. Это не может быть одна и та же женщина.

У меня закладывает уши. Звуки становятся глухими, буд-

то я под водой.

Делаю вдох — и он не проходит. Грудь сжимает так, что хочется согнуться.

Это сон. Я просто устала. Я сейчас проснусь.

Где-то совсем рядом раздаётся его голос. И вот тут всё внутри обрывается. Меня трясёт сильнее. Руки становятся чужими. Ноги — ватными. Хочу закрыть уши. Зажмуриться. Развернуться и уйти так, будто ничего не видела.

Если я уйду сейчас — этого не было.

Но тело не слушается. И отрицание начинает трескаться.

В голове мелькают обрывки: его задержки, внезапные командировки, вечера, когда он приходил слишком довольный.

Меня накрывает волна тошноты.

Это не ошибка. Не чужой мужчина. Это мой муж. И моя подруга. И это происходит **на самом деле**.

Я чувствую, как внутри поднимается крик — без слов, без формы. Он застревает где-то между грудью и горлом, царапает, давит.

Я хочу проснуться. Хочу, чтобы это оказалось кошмаром. Хочу вернуться на пять минут назад — к папке, к мыслям об ужине, к нормальной жизни.

Но ничего не исчезает.

— Лер, ну не стой столбом, — говорит Кирилл спокойно. — Не делай вид, что ты удивлена. Это уже давно происходит. Слово застревает. Цепляется за внутренности.

Давно — это не сейчас. Не ошибка. Не сорвалось.

Давно — это пока я готовила ужины. Пока верила командировкам. Пока рассказывала Оксане, как мне иногда страшно его потерять.

Меня резко бросает в жар. А потом в холод. Пол под ногами будто уезжает. Я хватаюсь за косяк, потому что иначе упаду.

Кирилл стоит спокойно. Расслабленно. Как человек, который уже всё решил и не понимает, зачем объяснять очевидное.

И в этот момент отрицание рвётся окончательно. Я больше не ищу оправданий. Потому что это не сон.

— Давно? — вырывается из меня. Голос ломается. Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Руки дрожат, но я не прячу их. — Ты даже не станешь оправдываться? — я смотрю на него, не моргая.

Кирилл устало выдыхает.

— Лер, не начинай, — говорит он. — Ты же знаешь, чем это всё закончится.

— Знаю?! — кричу я. — Да я черт возьми знаю чем это закончится! — Я разворачиваюсь к Оксане. — А ты?! Ты же смотрела мне в глаза! Ты знала про мои страхи! Ты знала, что я ночами не сплю! — Она вжимает плечи, но молчит. И это молчание громче любого признания. — Ты хоть раз сказала «хватит»?! — продолжаю я. — Хоть раз?! Хоть раз, подумала обо мне?!

Кирилл делает шаг и встаёт между нами.

— Успокойся, — говорит он жёстко. — Ты сейчас перегибаешь.

— Я перегибаю?! — я почти смеюсь, но смех срывается в хрип. — И это ты мне говоришь, сразу после того как вылез из ее... — я замолкаю почувствовав прилив тошноты. Он ведь целовал меня этими губами... — В нашем офисе! На нашем столе! Среди наших документов!

— Не наших, а моих, — спокойно поправляет он.

Я хмурюсь, не сразу понимаю на что Кирилл намекает. Да, этот бизнес мы начали еще до того как расписались и все оформлено на Кирилле, но... Но мы работали вместе над ним.

— Значит, вот как, — говорю я тихо, страшно тихо. — Значит, и это тоже не моё. — Я резко хватаю первую папку со стола и швыряю её на пол. — Это не мои документы! — слова летят вместе с бумагами. — Не мои отчёты! — Следующая папка летит следом. — Это не то, что мы строили годами! — я смахиваю ещё одну стопку. Бумаги разлетаются по полу. Я хватаю органайзер, канцелярию, скидываю всё разом. — Это не то, на что мы зарабатывали! — кричу я.

Подхожу к столу ближе. Вижу ноутбук. Там всё. Проекты. Расчёты. Мои бессонные ночи. Тянусь к нему.

— ЛЕРА! — орёт Кирилл резко. — Хватит! — Он подсакивает, хватая меня за запястье. — Ты совсем с ума сошла?! — кричит он. — Успокойся и прекрати истерить!

Я дёргаю рукой, вырываюсь.

— Истерить?! — голос срывается в хрип. — Это ты называешь истерикой?!

Он стоит передо мной, злой, жёсткий.

— А как ещё это назвать? — говорит он. — Ты ведёшь себя неадекватно.

Я задыхаюсь.

— Это... — я обвожу рукой кабинет. — Это наша жизнь. Наш бизнес.

Кирилл холодно усмехается.

— Наш? — переспрашивает он. — Ты сейчас серьёзно? — Он делает шаг ко мне. — Ты не имеешь к этому никакого отношения, Лера, — говорит он отчётливо. — Юридически — ноль. Ты наёмный работник. — Слова падают одно за другим. Тяжёлые. Точные. — Ты здесь просто сотрудница, — продолжает он. — И сейчас ведёшь себя так, что я вообще начинаю жалеть, что держал тебя так долго.

У меня в ушах звенит.

Наёмный работник.

Я смотрю на стол. На бумаги на полу. На Оксану, которая молча наблюдает.

Делаю шаг назад. Потом ещё один.

— Значит, вот как, — говорю я тихо. — Значит, я здесь просто лишняя?

Кирилл ничего не отвечает. И этого достаточно.

Не помню как выхожу из кабинета. Коридор длинный, пустой. Я иду. Шаг. Ещё.

Лифт. Кнопка. Цифры на табло прыгают, а у меня в голове будто выключили свет. Я хочу забыть обо всем, что только что видела. Сделать вид, словно этого не было.

Смотрю на свои руки. Они дрожат. Не заметно, но внутри — мелкая дрожь, как от сильного холода. Я сглатываю, во рту сухо.

Двери лифта открываются на первом этаже. Я делаю шаг — и мир качается.

Меня мутит. Резко. Физически, словно тело решило само, без меня: *мы это не проглотим.*

Я хватаюсь за стену. Пальцы цепляются за штукатурку. Дышать получается через раз. Вдох — короткий. Выдох — рваный.

Слышу, как охранник что-то говорит, но слова не складываются. Он подходит ближе, я вижу только его рот, который шевелится.

Качаю головой. Не надо. Не сейчас. Не трогайте.

На улице холодный воздух бьёт в лицо, и от этого становится легче на секунду — ровно на секунду, чтобы снова накрыло. Меня ведёт в сторону. Я останавливаюсь у стены, сгибаюсь.

Голова кружится. Я стою и думаю только одно: *домой*. Как будто дома есть что-то, что может исправить все это. Мне просто хочется оказаться в знакомом месте, где все так же, где ничего не изменилось, стены не предают.

Сажусь в машину. Руки не слушаются. Ключи выскальзывают, падают на коврик. Поднимаю их и почему-то начинаю смеяться — коротко, без звука. Это не смех. Это дырка вместо нормальной реакции.

Фонари. Пустые перекрёстки. Красный — зелёный. Не помню дорогу. Я просто в какой-то момент оказываюсь у подъезда.

Поднимаюсь. Лестница — как чужая. Дверь квартиры открывается тяжело, будто она тоже сопротивляется.

Захожу внутрь и замираю в коридоре. Тишина. Прохожу не раздеваясь. Сажусь на край дивана. Телефон лежит рядом. Экран чёрный. Я не проверяю его. Не нужно.

Он придет и все объяснит... Все же не так... Все не может быть так... Кирилл меня любит.

Мы ссорились, да. Он мог быть резким, уставшим, злым. Но мы всегда находили пути решения и это... и это мы сможем... должны.

Я прислушиваюсь к каждому звуку за дверью. Шаги. Лифт. Скрип. Каждый раз сердце дёргается — и снова опускается.

Ничего. Он не приходит. В квартире такая тишина, что я слышу, как тикают часы на кухне.

Сжимаю пальцы, чтобы унять дрожь, и повторяю про себя, как мантру: Он меня любит. Значит, он придет и все объяснит, попросит прощение и я...

Дальше не могу думать, потому что не знаю как с этим жить дальше. Сделать вид, что ни чего не было? Но это было, и стереть из памяти невозможно.

Я, видимо, задремала. Потому что реальность возвращается рывком.

Щелчок замка.

Я подскакиваю сразу, ещё до того, как понимаю, что делаю. Сердце бьёт так, будто сейчас выскочит.

Кирилл.

Дверь открывается. Медленно. Спокойно. Он заходит, сразу закрывает дверь за собой. Не торопится. Не оглядывается.

— Кирилл... — выдыхаю я. Мне хочется броситься к нему на грудь, обнять, плакать и молить, чтобы он сказал что любит и мне все это привиделось.

Кирилл снимает куртку, вешает её на крючок ровно, аккуратно. Вздыхает коротко, через нос, будто заранее готовится к тому, что сейчас будет.

Поднимает на меня усталый взгляд. Усталость не ночная, не человека, который провел всю ночь без сна, разрываясь от страданий. Другая. Та, что появляется, когда человек знает: сейчас начнут говорить, объяснять, выяснять — а ему не хочется. Совсем.

Он смотрит на меня так, будто уже видит всю сцену целиком и она ему неприятна.

— Ты всё ещё здесь? — говорит он.

Я делаю ещё шаг к нему, но Кирилл тут же отступает.

— Давай... — начинаю я и тут же сбиваюсь. — Давай поговорим.

Он не отвечает. Снимает обувь, ставит ровно, носками к стене. Ему важно закончить движение, прежде чем реагировать.

— Кирилл, — говорю я тише. — Мы же можем обсудить. Ты устал. Я тоже. Это... это всё... ты ошибся... в последнее время все навалилось... может я вообще что-то неправильно поняла, — я хочу его оправдать я не знаю как жить без Кирилла и я верю в наши чувства. — Это наш дом, наш бизнес. Мы столько лет вместе. Мы же не можем вот так... сразу.

— Лер, — говорит он и снова вздыхает. — Не надо. — Мягко произносит он. — Нечего обсуждать. Я не хочу разговоров. Не сейчас. И вообще, ты все видела и все поняла правильно.

Эта боль парализует. Я все еще не хочу верить. Может это глупо, но сейчас я готова поверить во что угодно, только не в услышанное. Я уверена, мой муж меня любит! И я его люблю! Мы прошли не маленький путь, пятнадцать лет вместе, десять из которых женаты. Когда мы познакомились, у нас ни чего не было, мы бизнес начинали на коленке, работали за гроши лишь бы получить заказы и клиентов.

Я увилась, подрабатывала официанткой, там в небольшой закусочной мы и познакомились. Красивый парень приходил в закусочную каждый вечер, и сидел в дальнем углу уткнувшись в ноутбук.

В любви Кирилла я не сомневаюсь! Первые деньги, что мы заработали, он сразу потратил на кольцо для меня. Потому что, именно это для него было важным! Он любит меня! Я это знаю!

Но Кирилл проходит мимо меня, задевая плечом. Случайно. Или нет — я не понимаю.

Останавливается в паре метров, стоит спиной ко мне, молчит. Пауза тянется дольше, чем нужно.

— Лера... — говорит он наконец, и в голосе слышно раздражение и усталость от необходимости говорить. — Мне уже надоело все скрывать, прятаться. — Я делаю шаг к нему, но Кирилл поднимает руку, останавливая меня. — Дай сказать, — бросает он, не оборачиваясь. — Я устал от тебя, — говорит он прямо. — От твоей серьёзности. От твоих вечных разговоров. От того, что с тобой всё всегда сложно. — Он поворачивается. — С тобой невозможно просто жить, Лер. Ты давишь. Ты всё превращаешь в работу, в обязательства, в ответственность. Ты прекрасный партнер, но не жена! — Его голос ровный. Холодный. Чужой. — Я не хочу так больше. Мне это не нужно. Я не хочу возвращаться домой и чувствовать, что снова должен. Ты не даешь, то что мне нужно.

— А Оксана дает? — тихо шепчу я, опустив голову.

— Да, — коротко и уверенно отвечает Кирилл. Он делает шаг ко мне — не угрожающе, а чтобы поставить точку. — Она дает всё, что мне нужно.

Такая сильная боль внутри от этих слов, мне хочется быть волком. Чувствую как силы покидают меня.

— Ты мне не подходишь, — добавляет он уже равнодушно. — И давно. — Он отворачивается сразу, не давая мне ни секунды на ответ. — Я не собираюсь это обсуждать. И не собираюсь ничего спасать. — Пауза. — Просто соберись и уезжай.

Кирилл разворачивается и уходит в спальню. Я остаюсь стоять в коридоре. Слова ещё висят в воздухе. Оксана, а не я... Она теперь для него всё!

Из спальни доносится шум. Я не сразу понимаю, что это. Выдвигается ящик. Падает что-то тяжёлое. Глухой удар о пол.

Я делаю шаг туда — медленно, неуверенно, как будто боюсь увидеть подтверждение. Но Кирилл меня опережает, выходит с большим чемоданом. Тем самым, с которым мы летали в отпуск.

Он ставит его передо мной. Потом толкает ногой ближе ко мне.

— Собирайся, — говорит он. — Я больше не хочу видеть тебя ни минуты.

— Кирилл... — произношу я, и это имя звучит странно, будто не его.

Он не отвечает. Разворачивается обратно, уже не глядя.

— Я хочу, чтобы ты уехала сегодня, — добавляет он на ходу. — Без сцен. Без разговоров. Без истерик. Просто прими это как факт. Я больше не люблю тебя. Я вообще сомневаюсь, что все, что между нами было можно назвать любовью.

Я не двигаюсь. Внутри пусто. Чемодан стоит между нами. Как граница. Неужели все вот так закончится? Неужели можно вот так собрать десять лет брака в чемодан и уехать?

— Собирайся, — повторяет Кирилл.

Я медленно качаю головой.

— Я никуда не поеду.

Муж смотрит на меня так, будто я сказала что-то бессмысленное.

— Лера, не начинай.

— Я не начинаю, — отвечаю я с искренним недопониманием. — Я здесь живу. Это и моя квартира тоже. Раз уж ты решил, что я тебе не подхожу, то собирай свои вещи и уезжай.

Он молчит секунду. Потом коротко усмехается.

— Теперь эта квартира моей матери.

— Что? — из меня вырывается смешок. — Мы покупали её вместе. Всего пять лет назад!

— Ключевое слово — «покупали», — спокойно говорит он. — Прошедшее время.

Он разворачивается, идёт к комоду, открывает ящик. Достает папку. Я узнаю её сразу — серую, тонкую. Документы.

— Вот, — говорит он и протягивает мне.

Я беру папку. Печати. Подписи. Я нахожу нужную строчку — и в груди что-то резко проваливается.

Собственник — его мать.

— Это... — я запинаюсь. — Это ошибка.

— Нет, — отвечает он. — Дарственная. Всё оформлено.

— Я ничего не подписывала, — говорю я быстро. — Я бы помнила.

— Подписывала, — говорит он также спокойно.

— Нет!

Кирилл смотрит на меня внимательно. Почти устало. И память срабатывает сама.

Утро. Я в пальто. Телефон в руке. Он стоит с бумагами у стола.

«Подпиши тут и тут. Потом разберёмся. Это для банка».
«Давай быстрее, мы опаздываем».

Я закрываю глаза.

— Это были те документы... — шепчу я. Он не отвечает. И мне больше не нужен ответ. — Я не читала, — говорю я. — Я тебе доверяла. Мы же семья.

— Ты всё сама подписала.

Руки начинают дрожать. Я снова смотрю на подпись. Моя. Настоящая.

— Ты обманул меня... — я с трудом поднимаю на глаза мужа. Он не мог так поступить... сам не мог!

— Не говори ерунды, — отвечает он. — Я пахал как проклятый, все здесь моё. Ты лишь жалкая приспособленка. Теперь у тебя ничего нет. Все что есть это принес мой бизнес!

Я чувствую, как что-то внутри окончательно обрывается.

— Я строила вместе с тобой этот бизнес, так же не спала ночами, искала поставщиков, покупателей.

— Я благодарен тебе за это, — кивает он. — Но теперь наши пути расходятся. У тебя есть полчаса чтобы взять все необходимые вещи... Надеюсь ты понимаешь, что это не касается драгоценностей.

— Ты всё это спланировал? — спрашиваю я, хотя ведь все и так понятно. Но для меня словно только что открыли занавес. Кирилл лишь самодовольно ухмыляется. — Ты все у меня забрал.

В коридоре становится очень тихо.

— Я расставил всё по местам, — отвечает он. — А теперь собирайся.

Я смотрю на чемодан. Потом на него.

— Я никуда не поеду, — говорю я снова. — Мне некуда.

Он делает шаг ко мне.

— Это уже не моя проблема. Я в душ, надеюсь, когда я выйду тебя уже здесь не будет.

Он разворачивается и уходит в ванную комнату. Дверь закрывается и я слышу шум воды.

Я остаюсь в коридоре. С документами в руках. С чемоданом у ног.

Я пытаюсь понять, куда мне теперь? Что делать? Раньше я никогда не видела Кирилла таким холодным, он словно чужой человек, смотрит на меня как на пустое место.

Родителей у меня нет, есть только тетка, сестра покойной матери, которая воспитывала меня... ну как воспитывала, получала пособия и тратила его на бутылку. Друзья? Это так

стыдно... Прийти с чемоданом в руках, потому что, муж о котором я всегда говорила с восхищением и любовью выставил меня на улицу и оставил ни с чем.

Позже подумаю, что делать. Если я сейчас не займу руки, то точно рассыплюсь, упаду и буду реветь.

Приседаю рядом с чемоданом и открываю молнию. Руки не слушаются. Я беру первое, что попадается — футболку. Кидаю внутрь. Потом ещё одну. Затем еще какие-то вещи, уже не разбираю.

Где-то внутри всё рушится, но тело работает отдельно. Механически.

Косметичка. Паспорт. Телефон.

Останавливаюсь рядом с комодом, в нем лежат мои украшения, дорогие часы Кирилла, которые он надевает на важные встречи. Он забрал у меня половину моей жизни!

Слёзы начинают течь сами. Просто капают на руки. Я смахиваю их тыльной стороной ладони, резко открываю ящик и хватаю шкатулку, вместе с часами.

Движения резкие, закрываю молнию чемодана. Беру его за ручку. Я оглядываюсь в последний раз, не верится, что я ухожу отсюда вот так, с одним чемоданом в руках.

Открываю дверь и выхожу в подъезд. Дверь за спиной закрывается мягко, почти вежливо. Щелчок замка — и внутри что-то тоже встаёт на место.

В лифте я смотрю на своё отражение. Чужое лицо. Серое. Глаза будто выцвели.

Первый этаж. Улица. Ночь.

Я ставлю чемодан рядом и достаю телефон. Пальцы не сразу попадают по экрану. Делаю глубокий вдох. Холодный воздух щиплет лёгкие и немного приводит в чувство.

Ты справлялась и не с таким, — говорю я себе.

Открываю приложение и набираю «гостиница». Ближайшая. Без пафоса. Просто место, где можно закрыть дверь и привести мысли в порядок.

Такси приезжает быстро. Я называю адрес и отворачиваюсь к окну.

Гостиница встречает мягким светом и запахом чистоты. Ресепшн. Девушка за стойкой улыбается дежурно, не вглядываясь. И это хорошо. Мне не нужно, чтобы меня разглядывали.

— Номер на одну ночь, — говорю я ровно.

Она печатает, задаёт стандартные вопросы. Я отвечаю автоматически, протягиваю карту.

Щелчок терминала.

Пауза.

Ещё один щелчок.

— Простите... — девушка поднимает глаза. — Карта не проходит.

Внутри у меня что-то неприятно дёргается, но я не показываю этого. Просто киваю.

— Попробуйте ещё раз.

Она пробует. Экран мигает. Отказ.

Я чувствую, как напрягаются плечи, как под кожей начинает ползти холод.

Экран снова мигает и вновь отказ.

— Простите... — девушка на ресепшене неловко улыбается. — Видимо, проблема с картой.

Я киваю. Спокойно на сколько сейчас могу.

— Сейчас, — говорю я и отхожу в сторону.

Достаю телефон. Захожу в приложение банка. Пальцы дрожат, но я заставляю себя не спешить.

Все тело напряжено, внутри появляется предчувствие, которое я старательно отгоняю от себя. Нет. Кирилл не стал бы замораживать счета, это же бред! Ну такое невозможно. Да и зачем?

Но на экране появляется баланс по основному счету — ноль.

Я часто моргаю, словно от этого могут прибавиться цифры. Обновляю страницу.

Ноль.

Веду плечами, выпрямляю спину. Наверно... Может так и уже было... я ведь не пользовалась картой ни вчера, ни сегодня. Может Кирилл что-то оплатил и забыл мне сказать?

Я не хочу думать по-другому, потому что иначе это будет означать, что я для Кирилла совсем ни чего не значу.

Переключаюсь на другой счёт. Загрузка. Сообщение: «Операции временно недоступны».

Ещё одна карта. Заблокирована.

Ещё одна. Тоже самое.

Воздух будто становится гуще. Я делаю вдох, медленный, контролируемый. Не сейчас. Только не здесь. Руки дрожат, я словно выпадаю из реальности, но пытаюсь удержаться за воздух.

Открываю кошелёк. Быстро пересчитываю наличку.

Хватит. На хостел. Самый простой. На пару ночей.

Я поднимаю голову и возвращаюсь к стойке.

— Простите, — говорю ровно. — Я передумала. Отмените, пожалуйста.

Девушка кивает, не задавая вопросов.

Выхожу на улицу и сразу набираю номер. Кирилл отвечает не сразу. Гудки тянутся. Я считаю их, чтобы не закричать раньше времени.

— Что? — его голос раздражённый. Холодный.

— Ты заблокировал мои карты?! — срываюсь я. — Ты что творишь?!

Короткая пауза. Потом спокойный, почти деловой тон.

— Ты вынесла из дома мои часы и драгоценности. А я ведь тебе сразу сказал!

У меня перехватывает дыхание.

— Я взяла свои украшения! — кричу я. — И ты прекрасно это знаешь!

— Часы — мои, — отрезает он. — И всё, что было куплено на мои деньги, — тоже.

— Ты... ты с ума сошёл? Ты забрал у меня квартиру! Об-

маном! А теперь кидаешь предъявы за часы? Вообще-то это я их тебе подарила! — голос ломается, но я не останавливаюсь. — Ты понимаешь, что мне некуда идти?! Мне нужны деньги!

— Понимаю, — отвечает он спокойно. — Вернёшь часы — возможно я перееду тебе деньги.

Я сжимаю телефон так, что белеют пальцы.

— Ты серьёзно сейчас? — шепчу я. — Ты выкинул меня на улицу и торгуешься со мной за часы?

— Это не торговля, Лера, — говорит он устало. — Это порядок. — Пауза. — И не устраивай истерик. Ты сама всё усложняешь. Сделала бы как я сказал и спокойно пользовалась бы моими деньгами еще день. А теперь... ты сама виновата.

У меня в груди что-то сжимается до боли. Когда он стал таким? Я помню того парня из кафе, добрый, застенчивый, всегда оставлял мне на чай... А теперь он готов перегрызть горло за копейку.

— Ты алчный, — говорю я глухо. — Мелкий. Жалкий. Кирилл усмехается.

— Вообще-то это ты сейчас от меня требуешь денег. Так что, кто еще из нас алчный? Забрать часы. Как ты вообще опустилась до воровства? — бросает он и сбрасывает звонок.

Экран гаснет. Я стою посреди улицы с чемоданом, телефоном в руке и пустыми счетами.

Вот и всё.

Нахожу в сумке эти злосчастные часы. Это ведь я их покупала, даже гравировку сделала «Самому лучшему мужчине».

Кровь закипает, сжимаю часы в кулак и поднимаю глаза, хочется швырнуть их в мусорку. Вспоминаю как Кирилл говорил, что эти часы приносят ему удачу».

И тут через дорогу я вижу красно-белую вывеску «Круглосуточный ломбард». Решение приходит само собой. Перебигаю дорогу, толкаю дверь, раздается звон колокольчика и я вхожу.

Мужчина за стойкой поднимает глаза, оценивает меня быстро, без эмоций.

— Заложить? — спрашивает он.

Я киваю. Внутри, злорадство. Мелкая пакость, но от нее мне становится чуть легче.

Протягиваю мужчине часы. Он крутит их в руках. Проверяет. Смотрит на меня снова.

— Не ваши?

— Мои, — отвечаю я слишком резко. Потом выдыхаю. — Были.

Он не спрашивает больше ничего. Называет сумму.

Она меньше, чем они стоят. Значительно.

— Наличными, — говорю я.

Мужчина доволен выгодной сделкой, отсчитывает деньги.

Когда выхожу на улицу, телефон вибрирует.

Сообщение от Кирилла:

«Верни мои часы».

Я смотрю на экран несколько секунд. Потом печатаю:
«Часы в ломбарде. Карты можешь не разблокировать».
Я убираю телефон, не дожидаясь ответа.

Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю через рот.

День ещё даже не начался, а я уже прожила его целиком. Ночь без сна. Разговор. Документы. Чемодан. Улица. Карта, которая не проходит.

Я иду медленно. Ноги ватные. Внутри пусто, нет мыслей, желаний, потребностей. Меня выкинули из моей же жизни, и теперь я не понимаю жива ли я вообще.

Захожу в первую попавшуюся пекарню. Тепло. Запах кофе. Беру чашку кофе и что-то простое — не потому что хочу есть, а потому что надо. Сажусь у окна.

Руки дрожат, когда я подношу кофе к губам. Адреналин отпускает без предупреждения. И вместе с ним уходит способность держаться. Глаза начинают закрываться.

Искать подходящую квартиру нет возможности, нужно где-то остановиться, хотя бы на пару дней. Открываю телефон и быстро смотрю объявления. Снять квартиру я не смогу, даже если продам все украшения, все требуют оплату на три-четыре месяца вперед, плюс залог, комиссия агента. Теперь мой единственный вариант это хостел, это временное убежище, только чтобы не спать на улице. Я уверена, что есть решение, невозможно прожить с человеком десять лет в официальном браке и остаться ни с чем. Даже если сейчас на бумаге все выглядит правильно и убедительно.

Хостел нахожу почти сразу. Без фотографий. Без описаний. Просто адрес и слово «сегодня». Наличные принимают. Отлично.

Администратор смотрит на меня без интереса. Утро. Люди уходят, а не приходят.
 Я называю фамилию, получаю ключ и не задаю вопросов.

Комната маленькая. Чистая. Я ставлю чемодан у стены и сажусь на кровать.

Сначала просто сижу. Потом ложусь, даже не раздеваясь и не расправляя кровать.

Я не думаю. Не анализирую. Не вспоминаю. Тело выключается само — резко, как будто кто-то щёлкнул тумблером. Сны ужасают, я вновь и вновь возвращаюсь в офис к Кириллу и Оксане, вижу ее стоны, как она изгибается, как они смеются надо мной.

Меня резко выбрасывает из сна, словно кто-то толкнул.

Пару секунд не понимаю, где я. Потолок низкий. Белый. Свет из окна режет глаза. Значит, я спала долго.

Сажусь на кровати и сразу чувствую тяжесть в теле. Сердце ускоряется, в груди становится тесно. Опускаю ноги на пол и упираюсь ладонями в матрас, чтобы не завалиться назад.

— Стоп, — говорю я вслух. Голос хриплый, чужой. — Не сейчас.

Я дышу медленно. Считаю вдохи.
 Один.
 Два.
 Три.

Работает. Немного.

Осматриваюсь. Чемодан у стены — мой единственный ориентир. Значит, всё это было. Не сон. Тянусь к телефону. Экран загорается сразу. Почти три.

Внутри что-то дёргается. Половина дня.

Мысль о Кирилле снова настойчиво пытается пролезть. Как будто ей мало одного раза. Я чувствую, как в животе снова появляется то самое неприятное напряжение, будто меня сейчас накроет волной.

Я встаю резко. Иду в ванную, включаю воду, умываюсь холодной, чтобы остановить память. Я не хочу больше вспоминать о предательстве, это слишком больно, а я не хочу страдать. Я должна стать сильной.

Смотрю на себя в зеркало.

— Ты справишься, — говорю я тихо. — У тебя нет выбора.

Возвращаюсь в комнату, сажусь на кровать, беру телефон уже.

Эмоции — потом.

Воспоминания — потом.

Сейчас нужно действовать.

Следующий пункт — работа.

Открываю сайты по поиску работы, отправлю несколько резюме. Затем прохожусь по списку контактов. Старые имена. Люди, с которыми когда-то работала напрямую. Те, кто видел меня не в роли жены, а в роли человека, который ре-

шает задачи.

Пишу коротко. Без лишних слов.

«Ищу новую позицию. Готова быстро включиться. Буду благодарна за контакт».

Отправляю. Следующее. Ещё одно.

Палец на секунду замирает над экраном.

В голове снова пытается всплыть картинка — Кирилл, спокойный, уверенный, уверенный в том, что у меня ничего не получится.

Я чувствую, как внутри поднимается знакомое напряжение.

Нет.

Резко убираю телефон на кровать, встаю и делаю несколько шагов по комнате. Мне нельзя останавливаться. Стоит остановиться — и всё полезет наружу.

Возвращаюсь к телефону и продолжаю.

Резюме. Контакты. Ответы.

Первое письмо приходит неожиданно быстро.

«Добрый день. Спасибо за отклик. Вакансия на которую вы откликнулись уже закрыта. Но мы добавили вас в базу, как появится подходящая вакансия мы с вами свяжемся.»

Я предполагала, что поиск работы займет не один день, и не расстраиваюсь из-за первого отказа.

Второе письмо — через десять минут. Я открываю его без надежды, но вот содержание совсем другое.

«Добрый день. Спасибо за отклик. Собеседовании канди-

датов на вакансию пройдет завтра в 11:00. Будем рады видеть вас.»

Третье — ещё позже.

Я глушу в себе радостный порыв. Маленький успех, но сейчас нельзя расслабляться.

Я откладываю телефон и на секунду закрываю глаза.

Хорошо. Работа — возможна.

Остаётся юрист.

Я открываю поисковик и вбиваю запрос. Медленно. Осознанно. Мне нужен не громкий специалист. Мне нужен человек, который работает с цифрами, долями, ростом стоимости бизнеса.

Я выбираю женщину из-за страха, что мужчина может не понять, поддержать моего мужа провалив дело.

Звоню. Голос на другом конце спокойный. Мы говорим недолго. По делу.

— У вас есть шанс, — говорит она. — Если бизнес до брака стоил одно, а сейчас другое, это уже совместно нажитое. Но сразу скажу — быстро не будет.

Я смотрю в окно. День в самом разгаре.

— Я понимаю, — отвечаю я. — Мне важно начать.

Мы договариваемся о встрече. В голове выстраивается простая схема.

Работа — ищу.

Юрист — есть.

Деньги — ограничены, но пока хватает.

Значит, можно идти дальше. Разрешаю себе выдохнуть, но запрещаю чувствовать. Закрываю все эмоции. Я должна стать сильной. По голосу и поведению Кирилла я поняла, что просто не будет. Он ни за что не уступит и не передумает.

На следующий день я еду в офис.

Без волнения. Волнение — роскошь, которую я себе сейчас не могу позволить.

Здание большое, стеклянное, холодное. Такое, где не спрашивают «как вы себя чувствуете», а смотрят — что вы умеете.

На ресепшене называют мою фамилию без уточнений. Сначала дает всем присутствующим тест, а затем проводят по очереди проводят в переговорную.

За столом двое. Мужчина и женщина. Документы перед ними разложены аккуратно, как по линейке.

— Начнём сразу, — говорит мужчина. — Расскажите о последнем проекте.

Я рассказываю. Без «мы». Без лишних деталей. Цифры. Риски. Решения. Где просели. Где вытянули.

Они не перебивают. Делают пометки.

— Хорошо, — говорит женщина.

Мужчина листает мой тест. Медленно. Вдумчиво.

— Вы раньше работали в жёстких условиях, — говорит он не вопросительно, а утвердительно.

— Да.

— Видно, — кивает он с какой-то усмешкой. — Вы не паникуете.

Он закрывает папку. Женщина смотрит на меня уже иначе. Не оценивающе — профессионально.

—Если вы пройдёте отбор в течении дня с вами свяжется специалист из отдела кадров и все подробно объяснит, какие документы будут нужны и когда нужно будет выходить.

Так и происходит. Всего через несколько часов со мной связался специалист из отдела кадров и все мне рассказал более подробно.

Несколько дней проходят быстро. Слишком быстро, чтобы в них успеть подумать о чём-то, кроме дел.

Я выхожу из хостела рано утром и возвращаюсь поздно вечером. Комната становится просто местом, где можно лечь и выключиться. Мне этого достаточно.

На работе всё чётко. Процессы. Задачи. Люди, которые говорят по делу и слушают ответы. Никто не спрашивает, как у меня «обстоят дела». Никого не интересует моя личная жизнь. Здесь ценят результат.

Все знакомые отвернулись, не знаю, может в этом есть вина Кирилла. Но я не хочу об этом думать.

Я быстро вхожу в ритм. Разбираю документы, погружаюсь в проекты, задаю вопросы. Иногда ловлю на себе внимательные взгляды. Меня проверяют. И я это чувствую.

К концу недели у меня уже есть первые задачи, за которые я отвечаю целиком. Это возвращает ощущение контроля. Пусть не над жизнью — над процессом.

Параллельно я встречаюсь с Еленой Сергеевной, моим

юристом. Она говорит так же, как по телефону — спокойно, без иллюзий.

— Он будет сопротивляться, — предупреждает она. — Будет тянуть время. Давить. Пытаться вас сломать.

Я киваю. Меня этим не пугают.

Мы собираем документы. Выписки. Переписку. Доказательства моего участия. Я вспоминаю детали, которые когда-то считала мелочами. Теперь каждая мелочь имеет цену.

— У вас хорошие позиции, — говорит она в конце встречи. — Но это марафон, не спринт.

— Я никуда не спешу, — отвечаю я.

И это правда. Несмотря на сложности, моя жизнь держится. Я не развалилась, не погрязла в жалости к себе.

Я почти не думаю о Кирилле. Не потому что отпустило — потому что я не даю себе этой возможности. Стоит на секунду замешкаться, как память тут же подсовывает образы, от которых перехватывает дыхание.

Я научилась их обрывать.

Работа. Документы. Завтраки на ходу. Кофе без сахара.

Жизнь собирается в прямую линию. Без эмоций. Но устойчивую.

Если не расслабляться — можно справиться со всем. И это чувство настолько убедительное, что я почти верю ему.

Я просыпаюсь без будильника.

Это уже странно. Последние дни я вскакивала по инерции — рано, резко, будто кто-то дёргал за шнур. А сейчас — ти-

шина. Выходной. Организм, кажется, решил, что отдых не для него, привык к бешеному режиму.

Я лежу, не открывая глаз, и пытаюсь понять, который час. Тело тяжёлое, как после болезни.

Делаю вдох — и тут же чувствую, как подступает тошнота. Открываю глаза и сразу сажусь. Комната плывёт. В животе неприятно тянет, как будто меня укачало.

Встаю и почти бегу в ванную. Хватаюсь за раковину. Дышу. Медленно. Через нос.
Ничего не происходит — ни рвоты, ни облегчения. Только ощущение, будто тело решило саботировать меня изнутри.

Я стою так несколько минут, пока не отпускает.

Ночей без сна было достаточно. Стресс. Кофе на голодный желудок. Я умываюсь холодной водой и смотрю на себя в зеркало. Лицо бледное. Под глазами тени. Да, мне уже не двадцать чтобы мое тело спокойно переносило такие марафоны. Это в институте я могла, учиться, вечером работать и завтракать фасфудом запивая все это колой а в тридцать пять пора задуматься о соблюдении режиме.

Возвращаюсь в комнату, открываю окно. Холодный воздух немного проясняет голову.
Я делаю себе чай. Медленно пью, маленькими глотками. Тошнота не проходит полностью. Она остаётся где-то фоном, как напоминание.

Смотрю на часы. Выходной, но у меня назначена встреча с Еленой Сергеевной.

Я быстро одеваюсь, чтобы поскорей сбежать из хостела.

Кажется, что стены начинают меня душить.

Но вместо не лучше, жарко, душно, запах алкоголя. Я вырываюсь из вагона, едва стою на ногах пока поднимаюсь на эскалаторе. На улице вновь становится немного легче.

До офиса Елены Сергеевны я добираюсь с большим трудом. Но перед дверью в ее кабинет все проходит, я вновь собранная и наполнена решимостью, никакие сбои организма мне не мешают.

Кабинет спокойный, светлый. Закрытое пространство. Тишина. Ее кабинет похож на владелицу. Елена Сергеевна собранная строгая, одевается элегантно, не носит украшения. Она немного старше меня, ей примерно лет сорок пять.

Мы садимся. Она говорит о сроках, о рисках, о том, как он будет сопротивляться. Я киваю, делаю пометки, задаю вопросы.

И вдруг — накрывает. Комната будто качается. Меня бросает в жар. В горле поднимается знакомая тошнота.

Я замолкаю на полуслове, сжимаю ручку так, что пальцы белеют.

— Лера? — голос Елены Сергеевны звучит рядом, но как будто через воду.

— Простите, — говорю я быстро. — Сейчас... секунду.

Я встаю слишком резко, хватаюсь за край стола. Елена Сергеевна уже подаёт стакан воды.

— Наверное, что-то не то съела, — добавляю я автоматически, даже не глядя на неё. — Бывает.

Я пью воду маленькими глотками. Тошнота отступает, но не уходит совсем.

Елена Сергеевна смотрит на меня внимательно. Так смотрят люди, которые видели подобное не раз.

Она ничего не говорит. Просто закрывает папку.

— Дайте мне минуту, — говорит спокойно. — Я сейчас вернусь.

Я киваю, благодарная за паузу. Сажусь обратно на стул, пытаюсь взять себя в руки, и думаю только об одном: *соберись. Ещё чуть-чуть.*

Когда Елена Сергеевна возвращается, в её руках небольшой пакет из аптеки. Через который я вижу содержимое.

Она кладёт его рядом со мной.

— На всякий случай, — говорит она ровно. — Давайте исключим очевидное. Чтобы понимать, как нам действовать дальше.

У меня холодеет внутри. Я поднимаю на неё глаза.

— Это лишнее, — говорю я тихо. — Правда. Это просто стресс.

Она не спорит. Не убеждает. Не давит.

— Тогда вы это просто выбросите, — отвечает она так же спокойно. — Но если нет — лучше знать сейчас. Мне не нужны сюрпризы на заседании. — Пауза. Я беру пакет. — Мы продолжим позже, — добавляет она. — Вам сейчас нужно немного времени.

Я киваю. Потому что говорить больше нечего.

Закрываюсь в туалете на этаже. Ставлю пакет на раковину и несколько секунд просто стою, глядя на него. Смешно, что кусок пластика может пугать сильнее, чем суд, чем развод, чем потеря дома.

Бред, — думаю я.

Это просто нервы. Я не спала. Я на кофе. Я на адреналине. Моя жизнь перевернулась с ног на голову. Меня предали самые близкие люди. Это нормальная реакция организма! Я ведь не железная.

Открываю кран. Мою руки. Долго. Тщательно. Как будто чистота кожи может что-то отменить.

Не сейчас. Только не сейчас.

Я достаю тест. Кладу рядом. Снова убираю в пакет. Закрываю глаза.

Даже если... Нет!

Беременность — это слишком серьезно. У меня сейчас ничего нет. Ну куда с ребенком? Только устроилась на работу, развод. Да у меня сейчас не жизнь а апокалипсис.

И уж точно не от Кирилла.

Мысль режет резко. Я почти физически от неё отдёргиваюсь.

— Нет, — говорю я вслух, тихо. — Это невозможно.

Я вспоминаю последние месяцы. Работа. Усталость. Его постоянные «не сейчас». Его раздражение. Как будто всё уже тогда готовилось к разрыву.

Это просто совпадение. Организм дал сбой. Так бывает.

Я беру тест снова. Пальцы холодные, не слушаются. Делаю всё механически, без смысла.

Кладу на край раковины. Отворачиваюсь.

Смотрю на своё отражение. Проходит минута. Может, больше. Я не считаю.

Я поворачиваюсь.

Две полоски.

Они медленно проявляются. Как будто реальность сначала осторожно проверяет, готова ли я её принять.

— Нет... — выдыхаю я.

Сердце начинает биться быстрее. Я беру тест в руки, подношу ближе, как будто расстояние могло исказить результат.

Это ошибка. Бракованный. Сроки. Всё что угодно.

Но полоски не исчезают, даже после того как я потрясла тест хорошенько.

Я медленно опускаюсь на край унитаза. Держу тест двумя руками, как что-то хрупкое и опасное одновременно.

Беременна.

Мысль не оформляется сразу. Она не кричит. Не взрывается. Она просто **есть**.

Первое, что приходит в голову — не радость и не ужас.

Кирилл не должен узнать.

Сразу. Чётко. Без вариантов. Сейчас он самая большая угроза в моей жизни.

Я закрываю глаза.

Я только начала вставать на ноги... Мне только начало

казаться, что все возможно и...

Слёзы подступают, но я не даю им выйти. Сейчас нельзя. Сейчас нужно думать о чём угодно, только не об этом.

Я вытираю лицо, убираю тест обратно в пакет и сжимаю его в руках.

Жизнь снова нагло изменила правила. Без предупреждения.

Я выхожу из туалета медленно. Как будто ноги стали чужими и я только делаю вид, что иду сама.

Пакет с тестом лежит в сумке. Он будто весит больше, чем всё остальное. Я стараюсь не прижимать его к боку, но всё равно чувствую — он там.

Елена Сергеевна поднимает глаза сразу как только я открываю дверь. Она ничего не спрашивает. Просто смотрит.

И этого достаточно.

Я сажусь напротив неё и какое-то время молчу. Слова не складываются. В голове пусто. Слишком много всего сразу, я просто не знаю о чем думать в первую очередь.

Беременность.

Кирилл.

Суд.

Работа.

— Я не понимаю, что мне делать, — наконец говорю я тихо. — Сейчас... это вообще не то что нужно... — Голос предательски дрожит. Я злюсь на себя за это сильнее, чем на ситуацию. — Я собираюсь судиться с человеком, от которо-

го беременна, — продолжаю я, уже почти шёпотом. — С человеком, который лишил меня денег, дома, всего... грязно. Холодно. По расчёту. — Я делаю паузу, чтобы не сорваться. — И у меня только появилась работа. Мне нельзя сейчас... — я не договариваю, но она понимает. — Я всех подставляю. Елена Сергеевна откидывается на спинку кресла. Несколько секунд молчит. А потом говорит.

— Лера, вы сейчас не имеете права раскисать. — Я поднимаю на неё глаза. — Послушайте меня внимательно, — продолжает она. — У вас впереди встреча с Кириллом до суда. Он будет давить. Он будет играть на эмоциях. И он обязательно попробует использовать это. — Она не произносит слово, но я понимаю. — Шансы у нас хорошие, — говорит она дальше. — Очень хорошие. Бизнес вырос в браке, и он это знает. Дарственную мы оспорим. Но если вы сейчас позволите гормонам и страху взять верх — он это почувствует, — говорит она жёстко. — А вам сейчас нужна твёрдость. Холодная голова. Ни шагу назад. — Она наклоняется чуть ближе. — Сейчас не время принимать решения о будущем. Сейчас время закрыть прошлое. Суд. Доля. Деньги. Без эмоций. — Я сглатываю. Внутри всё ноет, но слова начинают вставать на место. — Вы меня понимаете? — спрашивает она.

Я киваю. Не сразу, но уверенно.

— Я справлюсь, — говорю я. — Сейчас... сейчас не время думать о ребёнке. Сначала — суд.

Это звучит жёстко. Почти жестоко. Но иначе я не выдер-

жу.

— Вот и хорошо, — кивает Елена Сергеевна. — И ещё. — Она смотрит на меня внимательно. — Вам нужно нормальное жильё. Не хостел.

— Я уже сняла небольшую студию, — отвечаю я. — Ну... какую смогла потянуть.

— Отлично, — говорит она, закрывает папку и встаёт. — Встреча с Кириллом через три дня, — добавляет она. — Будьте готовы и... — она поджимает губу, неуверенная стоит ли мне это говорить. — Давайте вы пока не будете говорить Кириллу о ребенке. У меня сложилось впечатление о нем не совсем приятное. Я думаю в нем нет ни чего святого и все люди лишь инструменты для его целей. Не хочу чтобы у него появился еще один рычаг давления. Да и из-за ребенка могут возникнуть сложности с разводом. Конечно, если вы все еще хотите развестись?

— Я не передумаю! — даже сама в шоке от своей уверенности. — Этому человеку не место в моей жизни!

Время до встречи с Кириллом проходит странно. Я почти не чувствую их, дни как бы идут и в тоже время их почти нет. Я работаю, отвечаю, хожу на совещания, что-то подписываю, но всё это будто происходит не со мной, а рядом. Как будто я всё время смотрю через стекло.

Я стараюсь не думать о ребёнке. Не потому что не хочу, а потому что стоит позволить себе одну мысль и дальше будет невозможно остановиться. Сейчас не время думать об этом.

Вот только тело не даёт забыть. Тошнота накрывает волнами, иногда без причины. Резкие запахи раздражают. Я ловлю себя на том, что автоматически прикрываю живот ладонью, будто там уже есть что защищать.

На работе, в обед, кто-то говорит между делом:

— Там муж ребёнка отсудил. У него бизнес, стабильный доход. А она... не потянула адвоката. Скотина!

— Ну а что ты хотела? Если она адвоката не потянула то как бы с ребенком справлялась? Там ведь совсем другие расходы.

Я делаю вид, что читаю письмо. Не реагирую. Слова не адресованы мне и все же они оседают у меня внутри.

На следующий день в переговорке обсуждают чужой кейс. Не мой. Не похожий.

— Сейчас суды часто становятся на сторону отца, если

у него понятные деньги и структура, — бросает кто-то из мужчин. — Особенно если мать нестабильна.

— Ну а что? Сейчас полно баб, которые устроиться поудобней, а потом ребенком хотят оттяпать кусок побольше. А вот нехрен!

Я записываю цифры и только потом замечаю, что одну строку перечеркнула три раза подряд.

Нестабильна.

Слово застревает где-то внутри. Я думаю о хостеле, о студии, которую только что сняла, о том, что у меня новая работа, испытательный срок, суд впереди. Нестабильна — слишком удобное слово. В него можно упаковать что угодно.

С Еленой Сергеевной мы встречаемся за два дня до переговоров. Она говорит о документах, о тактике, о том, как Кирилл будет давить и торговаться, возможно, даже угрожать. Я слушаю внимательно, задаю вопросы, киваю.

В конце она закрывает папку и добавляет почти между прочим:

— Если он узнает о беременности до завершения процесса, это может стать для него рычагом.

Она не смотрит на меня. Не ждёт реакции. Говорит, как факт.

Я медленно киваю. Как будто мы обсуждаем чужую жизнь. Не мою.

Вечером я возвращаюсь в студию и долго стою у окна. У меня внутри появляется новое какое-то холодное чувство. Я

представляю Кирилла, его спокойный голос, его уверенность и чувствую отвращение.

Он уже забрал у меня дом, деньги, почву под ногами.

Если он узнает о ребенке — он не отступит. Он найдет формулировки, найдет юристов, найдет способ.

Я опускаюсь на край кровати и впервые за всё это время чувствую настоящую панику. Панику человека, который понял, что на кону не только он.

У меня нет времени. Совсем нет.

Перед встречей я почти не сплю. Собираюсь механически. Выбираю одежду без раздумий. Черный свитер, джинсы. Собираю волосы в неряшливый хвост.

До всего этого мне хотелось произвести впечатление на встречи, заявится сильной, уверенной, в платье с макияжем. А теперь я просто хочу, чтобы он держался от меня подальше.

Когда я выхожу из квартиры и закрываю дверь, внутри уже всё решено. Я ещё не знаю, как именно это произойдет, но я точно знаю одно: **эта встреча должна стать последней.**

Переговорная находится на третьем этаже. Стекланные стены, длинный стол, холодный свет.

Кирилл уже сидит. Расслабленный, уверенный. В дорогом пиджаке, который сидит на нём так, будто он в нём родился. Перед ним стакан воды и телефон, экраном вниз. Он не смотрит в мою сторону, когда я захожу.

Рядом с ним его юрист. Мужчина лет пятидесяти, с лицом человека, который давно не сомневается в исходах своих дел.

Я сажусь напротив. Рядом — Елена Сергеевна. Она кивает мне едва заметно, уголки ее губ чуть поддергиваются в уверенной улыбке. Этого достаточно.

— Ну что, — Кирилл первым нарушает тишину. — Давайте без затягиваний. Я человек занятой. У меня весь день расписан.

Он улыбается и бросает на меня презрительный взгляд.

Юристы начинают сразу. Без вступлений.

— Бизнес был зарегистрирован до брака, — говорит юрист Кирилла, листая документы. — Все ключевые активы оформлены на моего доверителя. Участие вашей клиентки не подтверждено юридически.

Елена Сергеевна спокойно кладёт перед ним папку.

— Рост стоимости бизнеса произошёл в период брака, — отвечает она. — Есть подтверждения фактического управления, переписка, договорённости с контрагентами. Мы это докажем. Также мы легко можем доказать, что Валерия принимала активное участие в развитие фирмы, что многие контракты заключила она и ее работа принесла большую выгоду фирме.

— Да, что она там делала? — злобно усмехается Кирилл. — Бегала с кофе и бумажки перекладывала!

Юрист Кирилла бросает на него резкий взгляд, останавливая его. Показывая, что тут его поле боя.

— Вы можете пытаться, — усмехается он. — Но практика...

— Практика бывает разной, — перебивает его Елена Сергеевна. — Особенно когда речь идёт о совместно нажитом.

Кирилл наклоняется вперёд, сцепляет пальцы.

— Лер, — говорит он впервые, глядя прямо на меня. — Давай без иллюзий. Ты понимаешь, что это всё — пустая трата времени.

Я не отвечаю. Даже не смотрю на него. Вообще за все время я ни разу не подняла глаза. Мне противно здесь находиться. Грызться из-за имущества, стоя на руинах нашего брака. Для меня наши отношения были важнее всех денег мира.

— Ты же всегда была разумной, — продолжает он. — Зачем тебе этот цирк? Всё равно ничего не получишь.

— Моя клиентка получит то, что ей положено по закону, — спокойно говорит Елена Сергеевна.

Юрист Кирилла фыркает.

— Если суд решит, — подчёркивает он. — А суды сейчас, как вы знаете, не склонны...

— Давайте без оценочных суждений, — отрезает Елена Сергеевна.

Голоса накладываются друг на друга. Формулировки летят, как удары: «доля», «оценка», «период брака», «фактическое управление», «неподтверждённый вклад».

Я слышу всё, но будто издалека.

Кирилл бросает ещё одну фразу — колкую, рассчитанную

на меня: — Ты же понимаешь, мы можем судиться годами, но к этому моменту от фирмы уже не останется и следа. Ты тратишь время!

Я медленно поднимаю голову. И впервые за всё время смотрю на него. Я не чувствую страха, сожаления, есть только пугающая пустота.

— Сколько? — спрашиваю я тихо.

Юристы замолкают.

Елена Сергеевна поворачивается ко мне.

— Что именно?

— Сколько это может длиться? — повторяю я. — Суд.

Она не тянет.

— От двух месяцев до полугода. Иногда дольше. — И добавляет чуть тише. — Мы ведь это обсуждали

Я киваю. Представляю календарь. Сроки. Живот, которое невозможно будет скрыть.
 Взгляд Кирилла, в котором появится новый интерес. И самое странное что я ощущаю, что не хочу сохранять ни какую семью. Не хочу, чтобы он приближался ко мне. Не хочу его больше видеть, никогда в жизни! Я хочу, чтобы он исчез! Прямо сейчас! Навсегда!

Поднимаю голову и смотрю в глаза Кирилла. Он уверен в себе откинулся на спинку стула, пытается создать вид непринужденности, но я подмечаю, что его тело в напряжении.

— Мне ничего не нужно, — говорю я спокойно.

Все резко замолкают, взгляды направлены на меня. Кажется, все даже дышать перестали.

Елена Сергеевна резко поворачивается ко мне.

— Лера...

Я поднимаю руку, останавливая её.

— Я отказываюсь от претензий, — продолжаю я ровно. — От долей. От компенсаций. От всего.

Юрист Кирилл медленно улыбается. Кирилл сначала не понимает, неуверенно смотрит на своего юриста. А затем до него начинает доходить смысл моих слов и в его глазах вспыхивает удовлетворение.

— Вот и правильно, — говорит он. — Наконец-то ты...

Я резко встаю, упираюсь ладонями в стол и чуть наклоняюсь вперед.

— Подавись всем, — говорю я. И после короткой паузы добавляю: — И держись подальше от меня! Переходи на другую сторону дороги, если увидишь меня! — В комнате никто не двигается. Даже воздух будто перестаёт циркулировать. — Мы закончили, — беру сумку и выхожу из переговорной.

Елена Сергеевна вылетает следом за мной, хватая меня за локоть и разворачивает к себе.

— Лера, что ты творишь? Ты понимаешь, что у нас были хорошие шансы? Мы могли...

— Мне плевать на деньги, — цежу я с отвращением. — Пусть он подавится ими. У меня есть работа, какое-никакое жильё! Я справлюсь со всем! — мурашки пробегают по спине, я сглатываю потому что дальше говорить становится сложнее. Я прикладываю руку к плоскому животу. — Но я

не хочу, чтобы мой ребенок участвовал в этой войне. Не хочу, чтобы он стал орудием ради горстки денег.

— Лера... — выдыхает Елена Сергеевна и качает головой.

— Не надо. Я так решила. Я заплачу вам как мы договаривались.

Она поджимает губы и через секунду улыбается.

— Ладно, Лер. Я наверно... понимаю твое решение, — она подбадривающе сжимает мое плечо. — Деньги теперь тебе пригодятся для ребенка.

Я не выдерживаю и обнимаю ее, на глазах выступают слезы. Елена Сергеевна сначала растеряна, но затем легонько похлопывает меня по спине.

— Ты справишься. Если вдруг тебе понадобится моя помощь, обращайся. Я всегда помогу. Иди домой, я закончу со всеми формальностями.

Я отхожу от Елены Сергеевны, вытираю выступившие слезы.

— Спасибо.

Пять лет спустя

Я выхожу из кабинета резко. Так, что первое желание — развернуться и хлопнуть дверью. Чтобы в его стерильном порядке что-нибудь дрогнуло.

Но я не хлопаю. Закрываю дверь медленно. Пальцы намеренно задерживаются на ручке — как будто я держу себя за горло и не даю сорваться.

Вот и всё. Вся наша коммуникация.

Я делаю шаг в сторону и выдыхаю через нос. Зло. Коротко. Внутри всё кипит.

Он опять это сделал, накинул задач, сдвинул сроки. Сказал «надо», как будто я не человек, а робот какой-то. Как буд-то у меня ни чего нет кроме работа, как у него!

— Это принципиально, Лера. Мне нужен результат, — ровно сказал Воронцов. — Или у вас есть что-то поважней работы?

Разумеется есть! Я же не живу на работе! У меня есть и другие обязанности, но ему это не понять. Устроил себе в офисе не кабинет, а гостиницу. Диван поставил большой, и спорт-зал организовал в соседнем кабинете, даже душ установил!

Нашего генерального ничего не интересует кроме работы! Он живет ей, дышит ей! И конечно же, считает что и все

должна так же.

Снова перекинул на меня лишнее. Снова сдвинул сроки. Снова произнёс это своё спокойное «надо», от которого внутри всё сжимается.

Я злюсь. Не из-за количества задач. Из-за того, как он это делает. Холодно, расчётливо, без вариантов.

Он не давит напрямую — он ставит перед фактом. И ждёт, что ты примешь правила без возражений. А как возражать генеральному? Молча кивнула и пошла проклинать его!

А что хуже всего — я понимаю его. Я вижу логику, вижу ход мысли, вижу, почему именно так, а не иначе. И именно поэтому это бесит ещё сильнее. Я не могу сказать, что он ошибается.

Иду по коридору быстрым шагом, не останавливаясь, молюсь, что смогу дойти до своего кабинета и там выпустить всю злость. Если сейчас кто-то заговорит — я не гарантирую, что отвечу спокойно.

Сегодня снова задержусь. Это ясно уже сейчас.

В висках тянет, плечи напряжены. Пытаюсь успокоить себя.

Я справлюсь. Как всегда. Я справлюсь со всем!

Уже вижу свой кабинет, как слышу голос за спиной и цоканье каблучков.

— Лера. — Аня догоняет меня у поворота, почти врезается плечом и сразу тормозит, прищуриваясь. — У тебя прямо по походке видно, что ты опять была у него.

— У меня просто рабочий день, как и у всех вообще-то,
— отвечаю я и не останавливаюсь.

— Нет-нет, — усмехается она и подстраивается под шаг.
— У тебя лицо «Я убью Воронцова!». — Я молчу. — Пошли за кофе, а то мне страшно, что ты выплатишь свои планы в жизнь, — решает она за нас обоих.

Я останавливаюсь. Ладно, мне и правда надо выдохнуть. После получасового разговора с Воронцовым, надо хоть пять минут нормальной жизни, чтобы не начать убивать.

Мы сворачиваем к кофейной зоне. Там шумно, кто-то смеётся, кто-то обсуждает презентацию. Нормальная офисная жизнь. Та самая, в которой его имя звучит слишком часто.

— Он сегодня опять в темной рубашке, — вздыхает Аня, уже заправляя кофемашину. — Она так ему идет. Он в ней такой мрачный, загадочный.

— Аня.

— Нет, подожди, — не сдаётся она. — Ты понимаешь, что она делает с людьми? — Она поворачивается ко мне, глаза горят. — Эта рубашка сидит на нём так, будто она с ним договор подписала. На бицепсах — впритык. Ты идёшь за ним по коридору и буквально видишь, как его мышцы двигаются под темной тканью, когда он руку поднимает.

— Я шла не за ним, — сухо отвечаю я. — И ни чего там не видно.

— Ты вообще понимаешь, — продолжает Аня, понижая

голос, будто делится чем-то почти неприличным, — что ему сорок?

— Понимаю, — сухо говорю я. — Он мне об этом не докладывал, но по задачам заметно. Что ему сорок, он одинок и ни чего не имеет кроме работы. Она ему и жена, и любовница, и ребенок.

— Я не про паспорт, — отмахивается она. — Я про то, как это выглядит. — Она наклоняется ближе: — Тёмные волосы, тёмные глаза. Ты никогда не понимаешь — он злится или просто думает. И эта небритость... — она выдыхает. — Не показная. Как будто у него нет времени на ерунду.

— Вот именно, — отзываюсь я и делаю глоток кофе. — У него нет времени ни на что, кроме работы.

Аня смеётся.

— А теперь добавь сюда рубашку. Рукава закатывает, когда злится или думает. И ты видишь руки. Крепкие. Не «качалка», а взрослый мужик, который знает, что делает со своим телом и своей жизнью. — Она вздыхает. — Вот бы мне к нему в кабинет, хоть бы пять минуточек наедине...

— Аня, — перебиваю я. — Я только что была с ним в кабинете.

— И?

— И это всё никак не помогает работать быстрее. Вот его мозг — это отдельная тема. А все что ты сейчас описываешь, это только для твоих фантазий, а не для работы!

— Фу какая ты! А какой запах от него... кофе, дорогой

парфюм... И глаза, Лер. Ты вообще в курсе, какие у него глаза?

— В курсе, — перебиваю я. — Они смотрят сквозь людей и ищут где еще установить дедлайны.

Аня смеётся.

— Ну ты и убийца романтики. У него, между прочим, взгляд такой, что кажется — он всё видит. И тебя. И твои слабости.

Я смотрю на неё поверх кружки.

— Давление. Цифры. Сроки. Его спокойный голос, от которого хочется либо работать быстрее, либо выйти в окно. Вот что я вижу и чувствую рядом с ним. А если кому-то хочется фантазировать — пусть идёт к нему вместо меня. Я сегодня туда больше ни ногой.

Она фыркает, но всё равно улыбается. Я делаю глоток кофе. Медленно. Чувствую, как меня немного отпускает.

— Но когда он идёт по коридору, половина этажа готова уволиться, лишь бы он посмотрел на них

— Если хотят, чтобы он на них посмотрел, пусть работают лучше. Сколько не делай, он только фыркает на меня, и все больше накидывает задач.

Аня пожимает плечами.

— Ладно. Принято. Для тебя он — ходячий дедлайн. Выдохни уже. Ну все, ты пережила с ним встречу. У Воронцова встреча назначена через час, так что часа три он тебя дергать не будет.

Отличная новость. Ставлю кружку на стол и смотрю на часы.

— Мне пора. Если хочу уйти вовремя.

— Ты сегодня правда уйдёшь вовремя? — прищуривается Аня.

Я киваю.

— Вот сегодня меня ни чего не задержит!

Я возвращаюсь к столу с кружкой в руке и ощущением, будто кофе — это не напиток, а техническая поддержка организма. Экран уже горит. Письма, правки, таблицы, задачи, которые никуда не делись, пока я позволяла себе пять минут нормальной жизни.

Работа привычно забирает внимание, втягивает, сжимает реальность до конкретных цифр и сроков. Я почти перестаю злиться. Почти.

Через сорок минут приходит сообщение:

«Нужно уточнение по блоку поставщиков. Сегодня»

Сегодня. Конечно, сегодня. Всегда «Сегодня» или «Сейчас же».

Я смотрю на часы. Половина пятого.

Сегодня я обещала себе уйти вовремя.

Я отвечаю коротко:

«Хорошо. Будет готово к 17:30»

Работаю быстро, чётко, концентрированно. Вычеркиваю лишнее, собираю нужное, пересчитываю ещё раз, хотя понимаю — там всё правильно. Не потому что сомневаюсь, а по-

тому что не имею права на ошибку.

Я ловлю себя на том, что машинально проверяю телефон, как будто он может сказать что-то новое. Не может. Там пусто. И это хорошо.

В пять тридцать я отправляю файл.

Секунда. Две. Ответ приходит почти сразу:

«Принято»

Я откидываюсь на спинку стула и впервые за день позволяю себе выдохнуть по-настоящему.

Получилось.

Я собираю вещи быстро, без лишних движений. Ни с кем не болтаю. Просто иду к выходу, пока Воронцов не успел придумать мне новую задачу.

Лифт. Первый этаж. Улица. Настроение сразу улучшается и все проблемы становятся мелкими, ведь теперь я иду к главному мужчине своей жизни — моему сыну!

Я сажусь в машину и закрываю дверь.

Конец лета, вечер теплый. Я завожу двигатель, бросаю сумку на соседнее сиденье и тянусь к телефону.

— Алло, — голос няни спокойный, с лёгким шумом улицы.

— Вы где?

— На площадке возле дома. Всё хорошо, не переживайте. Он на качелях, смеётся. Можете не торопиться.

Я улыбаюсь, хотя она этого не видит.

— Я уже еду. Буду минут через тридцать.

— Лера, правда, всё в порядке...

— Я скоро, — перебиваю мягко и сбрасываю вызов.

Мне всегда нужно быстрее. Даже когда всё под контролем. Даже когда мне говорят, что можно не спешить. Можно не спешить куда угодно, но только не к своему сыну.

Я трогаюсь с места. Светофор. Красный. Экран телефона загорается сразу, будто ждал.

Сообщение от Воронцова.

«Нужно доработать отчёт по поставщикам. Сегодня»

Я смотрю на экран несколько секунд. Молча.

Конечно, сегодня. Других дней, по его логике, не существует.

Пальцы набирают ответ автоматически:

«Хорошо. Утром отчет будет у вас»

Отправляю. Убираю телефон экраном вниз.

Я злюсь. Не из-за отчёта. Из-за того, что он до сих пор смотрит на меня так, будто у меня ничего не должно быть кроме работы.

Он всё ещё злится на меня за декрет. Я это чувствую. Не словами — объёмом задач, отсутствием любой скидки, этим холодным ожиданием, что я справлюсь. Как всегда.

Я ведь я можно сказать и не уходила в декрет, продолжала работать, на не полную ставку, удаленно, но всегда была на связи.

Конечно я продолжала работать не из-за любви к работе, это была вынужденная мера. Я понимала, что подставила людей, когда решила скрыть свою беременность до конца испытательного, но по-другому я не могу. Я хотела как-то сгладить свой уход в декрет. Да и деньги были нужны. У меня ведь ничего не было. Мне нужно было платить за квартиру, ребенку нужны вещи, памперсы, игрушки. Даже экономя на всем выжить на пособие невозможно.

Я не могла позволить себе «передохнуть». Помню как мне было тяжело. Ноутбук на кухне. Матвей в кроватке. Потом на руках. Потом я училась кормить одной рукой и печатать другой.

Созвоны — шёпотом. Письма — ночью. Отчёты — между кормлениями. До сих пор помню какой громкий щелчок мышки ночью.

Я была на связи всегда. Даже когда не спала по трое суток. Даже когда хотелось просто лечь и выключиться.

Я не рассказывала, как тяжело. Не просила о помощи или снисхождении. Потому что знала: стоит начать — и со мной будут говорить иначе. Меня перестанут принимать в серьёз и я могу лишиться дополнительного дохода, а там... даже вспоминать не хочу.

Иногда, совсем поздно вечером, когда было совсем тяжело, я садилась на край кровати и чувствовала, как внутри всё сжимается. Хотелось просто поплакать. Коротко. Тихо. Без свидетелей.

Как маленькая. Только для себя.

Но я почти всегда говорила себе: потом, не сейчас, сейчас держись.

Я не сломалась. И не собираюсь.

Я сильнее сжимаю руль, сворачиваю во двор и сразу чувствую, как внутри начинает отпускать. Само. Без команды.

Паркуюсь, выхожу и иду быстрым шагом, уже не думая ни о работе, ни об отчётах, ни о Воронцове.

Площадка видна издалека. Шум, смех, обычный двор, обычный вечер.

И вдруг:

— МАМА!

Я вижу его сразу.

Он на качелях, смеётся так, будто в мире нет ничего страшного. Ноги болтаются в воздухе. Матвей оборачивает-

ся и срывается с места, даже не дожидаясь, пока качели останятся. Бежит ко мне, спотыкаясь, размахивая руками.

Я приседаю, даже не задумываясь.

Он влетает в меня всем телом, обхватывает шею, прижимается так крепко, будто боялся, что я исчезну.

— Мамочка, ты пришла!

Я закрываю глаза. На секунду. Руки сами находят его спину. Сжимаю. Удерживаю.

В груди что-то оседает — резко и больно, как будто я слишком долго держала воздух и наконец позволила себе выдохнуть.

— Конечно, пришла, — шепчу я.

Он прижимается сильнее, утыкается мне в плечо, и мне вдруг хочется просто остаться так. Ничего не делать. Никуда не идти. Ни о чём не думать.

Быть здесь.

Я чувствую, как дрожат руки. Совсем чуть-чуть. Матвей этого не замечает. И хорошо.

— Ты работала? — говорит он спокойно.

— Да, — улыбаюсь я. — Зато теперь я вся твоя.

Он отстраняется, смотрит на меня серьёзно и кивает, будто мы только что о чём-то договорились.

Я снова прижимаю его к себе и понимаю ясно и остро: Я выдержу всё. Не буду спать. Буду работать ночами. Потому что всё это — не зря.

Я отстраняюсь и смотрю на него внимательнее.

Иногда я это замечаю. Разрез глаз. Линию бровей. Этот упрямый, чуть сосредоточенный взгляд.

Он похож на отца.

Не сильно. Не так, чтобы сразу бросалось в глаза. Но достаточно, чтобы иногда внутри что-то едва заметно ёкало.

Я не благодарна Кириллу за то, кем он был. За то, как ушёл. За то, что оставил меня без опоры.

Но я честна с собой: если бы не тот удар, я бы не стала такой. Я бы не рискнула. Не выдержала бы столько. Не выросла бы.

У меня есть работа, которую я заслужила. Квартира — пусть в ипотеку, но моя. Жизнь, выстроенная своими руками. Без чьей-нибудь помощи.

И самое главное — у меня есть сын.

Я сильная. Я знаю это. Я справилась.

Я поправляю ему футболку, провожу ладонью по плечу. Он поднимает на меня глаза и улыбается.

Утро начинается неправильно.

Не катастрофой — хуже. Мелкой спешкой, которая цепляется ко всему сразу.

Будильник я отключаю не с первого раза. Матвей сонный, лениво тянется, не сразу хочет вставать. В кухне заканчивается молоко, кроссовки стоят не на своём месте, рюкзак почему-то не там, где был вчера.

— Мам, мы опаздываем? — спрашивает он спокойно.

— Немного, — отвечаю я и завязываю ему шнурки быстрее, чем нужно. — Но мы справимся.

Мы почти всегда немного опаздываем. Это уже наш ритуал. Ничего критичного, но сегодня внутри неприятное ощущение — будто день заранее стоит на кривой.

Телефон вибрирует, когда я застёгиваю Матвею куртку. Сообщение из садика. Я открываю — и внутри сразу холодеет.

«Уважаемые родители! В связи с аварией на водоснабжении приём детей временно приостановлен. При необходимости вы можете забрать направление и перевести ребёнка в другой корпус».

Я зависаю на несколько секунд. Матвей смотрит на меня снизу вверх и дергает край пиджака.

— Мам?

Я быстро считаю в голове. Другой корпус — четыре квартала. Пробки. Это замет минимум минут сорок. А еще дорога до работы. Нет! Я так точно опоздаю! Опоздать — нельзя.

Перед глазами сразу всплывает спокойный, давящий взгляд Воронцова. Его «надо». Его «сегодня».

— Всё хорошо, — говорю я сыну и натягиваю улыбку. — Сейчас всё решим.

Я набираю Няню почти на автомате, в руках легкая дрожь — Лерочка, — отвечает она сразу. — Ты чего так рано?

— В садике авария... — говорю я быстро. — Нин, мне нужно, чтобы ты приехала. Срочно. Вопрос жизни и смерти.

Пауза на секунду. Слышно, как она что-то прикидывает.

— Я помогу, конечно, — говорит она. — Но раньше чем через четыре часа никак. Я ты бы предупредила — я бы все перенесла... у меня сегодня запись была. Теперь уже никак.

Четыре часа. Я закрываю глаза. Пытаюсь решить как поступить. А в мыслях пустота.

— Ладно, — говорю я. — Спасибо. Тогда... будь на связи. Я напишу если что.

Выхода нет. Помогаю Матвею натянуть кроссовки, он хватает свой кораблик и мы выходим из дома.

Садимся в машину, и у меня в голове начинает собираться план — не идеальный, но рабочий... слабо рабочий.

— Матвей, — говорю я, заводя двигатель. — Хочешь поехать ко мне на работу?

Он сразу оживляется, глаза загораются.

— К тебе? А там что? А садик?

— Садик сегодня решил отдохнуть. А на работе у меня, полно взрослых, компьютеры и много скучных тётъ и дядь. Почти как садик только для взрослых, — честно отвечаю я.

— И одна важная игра.

— Какая?

— Тебе нужно будет прятаться, — говорю я. — Как шпион. Никто не должен знать, что ты там. Сможешь?

Он широко улыбается и кивает так серьёзно, будто его только что приняли в секретную миссию.

— Я буду самый незаметный.

Сердце дёргается. Но я заставляю себя не думать. Всего четыре часа. Ерунда!

В офисе всё идёт подозрительно гладко.

Сначала — ресепшен. Потом мой кабинет. Матвей садится на стул, чинно раскладывает кораблики. Незаметным ему конечно быть не удалось, но и хаоса он не принес в офис. Кто-то приносит печенье. Кто-то умиляется. У меня получается работать спокойно.

Матвей тихий. Послушный. Слишком взрослый для своего возраста.

Я каждые десять минут смотрю на часы.

Час.

Второй.

Третий.

Нина пишет: «Я выехала. Буду минут через сорок».

Я почти выдыхаю.

Почти.

И именно в этот момент всё летит к чертям.

Звонок. Срочно. В переговорку. Один из блоков отчёта «горит», нужно объяснить здесь и сейчас.

— Матвей, — я наклоняюсь к нему. — Я выйду на пару минут. Сиди здесь. Никуда не ходи. Договорились?

Он кивает. Увлечённо. Уверенно.

— Я шпион.

Я выхожу. Думаю — на пять минут. Максимум на десять. Но чуть задерживаюсь и когда возвращаюсь, первое, что чувствую — тишину.

Ладно, игра в шпиона...

— Матвей? — зову я негромко, всё ещё спокойно.

Стул пустой. Игрушки лежат на полу. Я делаю шаг внутрь кабинета, осматриваюсь

— Матвей? — уже громче. — Ты молодец. Ты выиграл.

Ничего. Сначала включается рациональность.

Туалет. Кухня. Ресепшен.

— Мальчика не видели? Маленький, в серой кофте?

Коллеги пожимают плечами. Кто-то предлагает посмотреть в комнате отдыха.

Проходит пять минут.

Потом ещё пять.

Воздух становится плотным, тяжёлым. В ладонях холодеет.

— Он был здесь, — говорю я самой себе. — Он никуда не мог деться.

Но внутри поднимается другое чувство. Паника. Руки начинают дрожать.

— Давайте искать, — говорю я уже вслух. — Всем этажом.

Кто-то бежит к охране. Кто-то обходит кабинеты. Кто-то зовёт по имени. Офис начинает двигаться, как единый организм.

— Проверили переговорные!

— На лестнице нет!

— Камеры посмотрели, он не выходил!

Я хожу вместе со всеми и почти не чувствую ног. В голове только один вопрос: *где?*

Проходит десять минут.

И вот тогда становится по-настоящему страшно.

Потому что вариантов больше не остаётся. А Матвея всё нет.

Воронцов

В офисе шумно — как всегда в это время: кто-то смеётся у кофейной зоны, кто-то ускоряется с телефоном у уха, кто-то обсуждает цифры, которые уже должны быть готовы.

Я поворачиваю к своему крылу и автоматически отмечаю: движение в коридоре чуть хаотичнее, чем обычно. Люди ходят туда-сюда без папок, без ноутбуков, как будто ищут что-то глазами.

Открываю дверь кабинета. И сразу понимаю: здесь кто-то есть.

Не потому что шумно — наоборот. Слишком тихо. И воздух будто другой.

Я не делаю резких движений. Закрываю дверь за собой без хлопка, ровно, как всегда. Два шага внутрь — и тогда вижу. Мальчик.

Он сидит на ковре у стены, там, где у меня стоит низкий стеллаж. Сидит так спокойно, будто это его место. Рядом лежит моя модель «Мустанга» — та, которую мне подарили на сорок. Он держит её в руках и рассматривает снизу, внимательно, как маленький инженер, которому важно понять, почему это работает.

Я отмечаю всё мгновенно: возраст — примерно пять, может шесть. Одежда аккуратная. Руки чистые. Взгляд спокой-

ный. Никакой паники. Никакого плача.

Катастрофа — это не ребёнок. Катастрофа — это испуганный ребёнок.

Я делаю вдох. Медленно.

— Привет, — говорю ровно.

Мальчик поднимает голову. Смотрит прямо. Не дёргается, не прячется. Просто изучает меня.

— Здравствуйте, — отвечает он.

Голос чистый, без страха. Даже без смущения.

Я присаживаюсь на расстоянии. На уровень его глаз. Так проще: он не чувствует угрозы, а я контролирую пространство.

— Ты как сюда попал?

Он пожимает плечами, будто вопрос не самый важный.

— Я... ходил. Тут интересно.

Логика ребёнка безупречна. Я коротко киваю.

— Интересно — это хорошо. Но тут люди работают и нельзя просто так входить в чужие кабинеты.

Он смотрит на меня чуть внимательнее, потом снова переводит взгляд на машинку в руках. Он хорошо ощущает себя в моём кабинете, я даже чувствую себя здесь гостем.

— Она настоящая? Такие правда бывают?

Я не сразу отвечаю. Мне нужно понять, что именно он сейчас делает: отвлекается или действительно его интересует машинка. Судя по спокойствию — второе.

— Это модель, — говорю я. — Копия. Но да, такие маши-

ны существуют в реальности. Они, конечно, гораздо больше.

— А почему колёса... — он поворачивает машинку и тычет пальцем, — ...не такие?

Я смотрю. Он показывает на диски. Пытается сравнить то, что видел, с тем, что держит.

Я не люблю пустых разговоров. Но я люблю точные вопросы. А это вопрос точный.

— Потому что это коллекционная серия, — отвечаю. — Здесь воспроизводят форму, а не функционал. Если бы колёса были «такие», как у настоящей, она бы не стояла ровно. И ломалась бы чаще.

Он молча кивает. Серьёзно. Запоминает.

Я отмечаю: умный. Не истеричный. Не «размазня». Внутри у меня всё равно стоит сигнал тревоги. Ребёнок в моём кабинете — это не мило. Это нарушение и кто-то должен понести за это ответственность. Но для начала надо понять как он сюда вообще попал. Учитывая то, что мальчик не напуган и чувствует себя уверенно, родители должны быть где-то рядом.

— Ты один? — спрашиваю я.

— Ага, — отвечает он и тут же добавляет, будто это очевидно: — Но я шпион.

Я смотрю на него секунду. Он не шутит.

— Шпион... — повторяю я.

— Да. Мне сказали спрятаться, — он понижает голос, как будто это действительно секрет. — И чтобы меня никто не

видал.

Формулировка кривоватая, но смысл понятен. Значит, его сюда привели в офис. Скорее всего его родители работают здесь. Осталось выяснить кто эти родители и тогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.